

Возможно, в какой-то степени «уклонения» Карепина-младшего были спровоцированы слепым материнским обожанием, в результате которого он был отпускаем в университет «не иначе, как только с бонной». Однажды на экзамене Саня отказался отвечать на сугубо медицинский вопрос, ссылаясь на то, что мама запретила ему читать об этом предмете.

Как и отец, женившийся на его матери, когда та пребывала в первом цветении юности, он мечтает о невесте «не старше 16-ти лет» и вступает в брак, перевалив шестидесятилетний рубеж (тут он перещеголяет отца). Отвергая эмансипированных женщин, он тем не менее находит идеал красоты в *стриженных*: трудно сказать, как разрешался этот конфликт между эстетикой и этикой.

Вряд ли А.П. Карепин, если он был безнадежно туп, смог бы участвовать в качестве военного врача в турецкой кампании 1877–1878 гг. Правда, проведав о знакомстве своего дяди с генералом Ф.Ф. Радецким, покорителем Шипки, а также с главнокомандующим русской армией на Балканах, он пренаивнейшим образом просит мать, чтобы та в свою очередь обратилась к Достоевскому (и она с неменьшей наивностью это делает) – «нельзя ли написать кому-нибудь из этих высокопоставленных лиц и попросить о покровительстве». Покровительство должно было заключаться в скорейшем получении А.П. Карепиным очередного чина и ордена Станислава II степени. Достоевский действительно знал Радецкого – почти сорок лет назад они вместе учились в Инженерном училище (Радецкий классом выше). Что касается главнокомандующего – а им был великий князь Николай Николаевич, – то он, будучи во второй половине 1850-х гг. генерал-инспектором по Инженерной части, ходатайствовал (по просьбе другого соученика Достоевского по училищу генерала Э.И. Тотлебена) о производстве унтер-офицера Сибирского линейного батальона в прапорщики. О личном их знакомстве ничего не известно. Но в любом случае не в таких отношениях был Достоевский с указанными лицами, чтобы озабочивать их подобными просьбами. «Милый брат, – пишет Варвара Михайловна, – я уверена, что если б ты написал к Главнокомандующему, то ради тебя он сделал бы что-нибудь для А.П.» Когда-то не отпускавшая своего сына в университет без сопровождения гувернантки, теперь она готова передоверить эти функции всемогущему, по ее мнению, брату.

И что еще любопытно. Современники говорят о страстном увлечении Сани Карепина образом Дон-Кихота. «До смешного кроткий» – и это при своей вспыльчивости и ревности – племянник Достоевского, возможно, чувствовал некое родство с любимым литературным героем писателя. Разумеется, это не повод, чтобы начать отыскивать в «человеке небеспольном» черты князя Мышкина. Вспомним, однако, что в названии романа заключен еще и полемический смысл.

М.В. Волоцкой характеризует А.П. Карепина как *тип эпилептоидно-кроткий*. Тут с ним, как со специалистом, не приходится спорить. Говоря о несомненно присутствии А.П. Карепину комплексе эпилептоидной обстоятельности, он находит таковую же у его дяди и, что самое интересное, распространяет этот комплекс на творчество последнего. «Это выразилось, – пишет Волоцкой, – в исключительной громоздкости и местами сумбурности его произведений, в чересчур подробной, вязкой трактовке сюжета, когда, как, например, в «Братьях Карамазовых», действие, происходящее на протяжении нескольких дней, излагается на многих сотнях страниц». Трудно, да и бессмысленно отрицать тот факт, что психофизиологические особенности автора «Карамазовых» сказались на характере его художественных изображений. Необходимо, однако, заметить, что *несколько дней* основное действие длится и в «Селе Степанчикове», и в «Преступлении и наказании», и в «Бесах»... Концентрацию многих событий на сравнительно небольшом временном отрезке (то, чего, скажем, совершенно нет у Л. Толстого) мы назвали бы следствием не столько эпилептоидной,